

2

Нечеловеческое в человеке. Эволюционизм и издержки антропогенеза

М. В. Лапшин

В статье анализируется процесс восприятия гуманитарными науками и философией данных о происхождении человека и его эволюционном прошлом. В рамках эволюционной антропологии растет объем сведений о том, что многие склонности человека, обуславливающие его агрессивное, деструктивное и саморазрушительное поведение, унаследованы от дочеловеческих предков и являются проявлениями некогда важных и полезных инстинктов. В свете сохраняющихся угроз безопасности человека, связанных с войнами и другими формами насилия, исчерпаемостью природных ресурсов, перенаселением, исследование природы деструктивного поведения человека приобретает особую значимость. Исследования XX в. подтверждают идеи родоначальников теории (в том числе и Ч. Дарвина) о происхождении человека от обезьяноподобного предка, что в ходе эволюции человек унаследовал ряд свойств, которые в современных условиях выступают как факторы опасности и во многом отвечают за душевные патологии и деструктивное поведение.

Данные, получаемые в рамках естественных наук, в «сыром» виде дают одностороннее представление о природе человека. Для преодоления несоизмеримости естественно-научного и гуманитарного дискурсов требуются усилия популяризаторов науки, философов, научных публицистов. Иначе знание о происхождении человека может стать предметом ложных и политически мотивированных интерпретаций и использоваться для манипулирования.

Материалы исследований в области антропогенеза могут быть использованы в конструктивных целях, а именно – для поиска путей преодоления деструктивности.

Ключевые слова: деструктивность, агрессия, антропогенез, эволюционная антропология, эволюционная патопсихология, дарвинизм.

Введение

Исследование происхождения человека от обезьяноподобного предка как способ самопознания современного человека – одна из наиболее актуаль-

ных методологических программ в антропологии. Важность исследования антропогенеза в мировоззренческом отношении невозможно переоценить, любые новые находки, открытия, теоретические обобщения по этим вопросам всегда будут находиться под пристальным вниманием СМИ и равнодушной общественности.

Процесс осмысления происхождения человека – яркий пример того, как меняется представление человека о самом себе под давлением развития естествознания. Естествознание, таким образом, вступает на территории, традиционные для философии, гуманитарных наук и религии. Философско-гуманитарная «акклиматизация» естественно-научного знания является насущной проблемой. Без этого новое знание о происхождении человека рискует остаться в среде специалистов или быть перетолкованным в политически ангажированном ключе.

Полное соединение естественно-научного и гуманитарного знания о человеке в рамках единой теории в настоящее время представляется невозможным по причине несоизмеримости их методологических парадигм. Однако усилия ученых и философов могут быть направлены на более локальные задачи, например на выработку путей решения проблем, связанных с угрозой войн, эскалацией межрелигиозных и этнических конфликтов, ксенофобией, последствиями повсеместного распространения деструктивной информации и другими проявлениями зла.

В этом контексте особое значение приобретают новые данные, полученные в ходе исследования происхождения человека, а также изучения с точки зрения эволюции склонности людей к агрессивному и деструктивному поведению. Несмотря на то, что появление таких материалов, как правило, привлекает к себе пристальное внимание публики, осмысление нового знания в русле философской традиции несколько запаздывает.

К настоящему времени накоплено множество свидетельств того, что нынешний человек воспроизводит в своей повседневной жизни врожденные модели и стереотипы поведения, характерные для своих первобытных предков (например, склонность к ксенофобии). В современных условиях многие из них зачастую не имеют смысла и даже бывают вредными.

В своей книге «Эволюция человека» А. В. Марков пишет: «Большинство адаптаций у всех живых существ ориентированы не на нынешние условия, а на условия более или менее далекого прошлого (и хорошо, что с тех пор условия не сильно изменились). К тому же адаптации всегда ориентированы на интересы генов, а не организмов. Если у нас есть врожденная склонность считать какие-то поступки хорошими, то единственный “высший смысл”, стоящий за этой склонностью, вполне может состоять в том, что генам эректусов было почему-то выгодно, чтобы эректусам нравились такие поступки. Гены эректусов от этого лучше тиражировались. На здоровье, но при чем тут мы?» (Марков 2012: 385).

Общим местом становится знание о том, что человек подвержен манипуляциям и вредным привычкам вследствие наличия слабых мест, которые можно прямо отнести к эволюционным атавизмам. По словам Н. С. Курека, «наш центр удовольствия состоит не из некоего набора механизмов для выживания вида, а из беспорядочного набора относительно работоспособных систем, которые легко и приятно обманывать» (Курек 2013: 14).

Включение данных эволюционной антропологии в современный контекст обнаруживает иногда случающееся несоответствие природных (унаследованных, врожденных) задатков и актуальных потребностей человека. Проблема состоит в том, что выявленные «атавизмы» создают реальные трудности и опасности.

Мировоззренческое измерение симиальной теории

В своей книге «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвин развивает теорию, согласно которой человек произошел от обезьяноподобного предка, находившегося в конкурентной борьбе с другими приматами. С опорой на труды Т. Г. Гексли, который анализировал анатомические сходства и отличия человека и обезьян, Дарвин пытается выявить причины прогресса именно предков человека. Гексли показывал, что по анатомическому строению (в том числе мозга) высшие обезьяны (шимпанзе, горилла, орангутанг) и люди образуют биологическую группу, которая значительно отличается от прочих приматов. «Беспристрастный» исследователь анатомии (например, инопланетянин), по мнению Гексли, колеблясь отнес бы человека к высшим приматам. Разница между человеком и высшими обезьянами менее значительна, чем разница, например, между гориллой и бабуином (Гексли 2012).

Ч. Дарвин полагал, что люди должны были произойти за счет развития «общественных» инстинктов, поэтому маловероятно, чтобы человеческими предками могли быть агрессивные и сильные обезьяны типа гориллы (Дарвин 2009). Согласно его идее, в человека эволюционировала группа относительно слабых по телосложению приматов, конкурентными преимуществами которых стали сплоченность и склонность к кооперации (общественные инстинкты). Развитие этих свойств стало причиной прогресса умственных способностей у человеческих предков и появления способности к языку.

Дарвин пытается усилить мировоззренческую глубину своей гипотезы за счет философских комментариев, призванных в том числе облегчить процесс ее восприятия психологически неподготовленными читателями. Как и в «Происхождении видов», в «Происхождении человека» Дарвин описывает процесс эволюции как благое и величественное явление. Осознание того, что человек сопричастен эволюции жизни, является ее продуктом, должно, по мысли биолога, воздействовать на душу человека

облагораживающим образом. Эта мысль, очевидно, зародилась у Дарвина во время его путешествия на бриге «Бигль», и многие его дальнейшие труды имплицитно ее содержат.

Еще в 1830-х гг. он делал характерные записи в записных книжках: «Животные – наши собратья по боли, болезни, смерти, страданию и чувству голода, наши рабы в выполнении самых тяжелых работ, наши товарищи в забавах – могут вместе с нами происходить от общего предка, все мы можем быть связаны воедино»; «Человек высокомерно считает себя величайшим творением Божиим, а я думаю, более смиренно считать себя потомками животных» (Чертанов 2013: 72–74).

Линия мысли, концептуализирующая сущностное (не только генетическое) родство человека и животных, по мнению британского философа Стивена Фуллера, отдаляет научное мировоззрение от христианских ценностей и направляет его в русло кармической парадигмы, то есть воспроизводящей мировоззренческие основания восточных дхармических религий: буддизма, индуизма, джайнизма (Фуллер 2005: 182). В них одним из высших ценностных императивов выступает уменьшение страдания и боли, перед которыми человек и животные равны. Апофеозом кармической науки может стать распространение правовых норм и гуманистических принципов на нечеловеческие виды в соответствии с программой движения за освобождение животных и его теоретиками (Питер Сингер).

Дочеловеческое прошлое как проблема современного человека

В дарвиновском «Происхождении человека» (1871 г.) отчетливо звучит мотив, что человеческая природа в результате эволюции оказалась не без недостатков. Как говорилось выше, прогрессивное развитие человека, по Дарвину, выразилось в первую очередь в развитии умственных способностей и общественных инстинктов, благодаря чему человек достиг высот в науке, нравственности и религии (Дарвин 2009).

Помимо добродетелей в человеке сохранились его дикие (животные) инстинкты, которые проявляются в людских пороках. Происходит борьба общественных инстинктов и низших побуждений, результат которой во многом обуславливается хорошей или дурной наследственностью. В обществе сосуществуют как люди с удачной наследственностью, в силу облагораживающего воздействия культуры пользующиеся всеми положительными достижениями эволюции, так и люди «слабые» (с дурной наследственностью, инвалиды и слабоумные, склонные к преступности). Эта ситуация вытекает из общей концепции эволюции Дарвина как игры изменчивости и отбора: в силу изменчивости люди должны рождаться принципиально неравными, дело отбора – обеспечить «переживание» лучших. Дарвин явственно обозначает существование «слабых» как проблему современного ему общества, решение которой нельзя пускать на

самотек. «Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы браки между слабыми и малоодаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности (хотя на это скорее можно надеяться, чем ожидать), если бы слабые умом и телом совсем воздерживались от брака» (Дарвин 2009: 171). Вследствие того, что мораль (добродетель) вынуждает общество заботиться о «слабых», они получают возможность размножаться наравне со «здоровыми». Как видно из цитаты, Дарвин крайне осторожно высказывается о средствах уменьшения «слабого» потомства. В XX в. будет предложено множество способов решения данной проблемы, в том числе самых бесчеловечных.

Неотъемлемая часть симиальной теории – идея, что человек унаследовал от своих предков часть их природы, и это представляет для него определенную опасность. В этом отношении человек невыгодно отличается от других высших животных, которые, видимо, обладают более сбалансированной системой регуляторов поведения. Человек сочетает в себе архаическую и современную стороны, вследствие чего сама его природа изначально патологична, а существование проблемно. Проблема наличия «нечеловеческого» в человеке открыла широкое поле для размышлений и разработки концепций, призванных наметить пути решения.

Евгеника: селекционеры и «стадо»

Евгеника XIX–XX вв. возникла и развивалась как реакция на обнаружение опасности, связанной с эволюционным прошлым человечества. В работах английского антрополога Ф. Гальтона в более явной, чем у Дарвина, форме выражена мысль о том, что человеческое общество находится в опасности вырождения. Основная причина заключается в том, что вследствие вмешательства цивилизации на человека перестала действовать «благодетельная» сила естественного отбора: люди с некачественной наследственностью не отбраковываются отбором, как это закономерно произошло бы в дикой природе, а наоборот, усилиями общества им дается возможность жить наравне с другими и участвовать в размножении. Для «исправления» ситуации необходимо разумное вмешательство в процесс участия людей в размножении, то есть искусственный отбор. Он призван выполнить функцию «отключенного» естественного отбора.

По одним версиям евгенического проекта, вышеназванные усилия помогут спасти человечество от вырождения, по другим – с помощью селекции может быть улучшена порода человека: в будущем люди станут более здоровыми, сильными, умными и т. п.

Как показывает история евгеники, любая практическая деятельность по улучшению человеческой природы предполагает разделение общества на два класса: селекционеров и «стадо». При этом селекционеры должны обладать труднодостижимой характеристикой, а именно – знанием о том,

какие качества людей окажутся «хорошими» в будущем. В животноводстве ситуация принципиально иная: селекционер изначально не принадлежит «стаду». Из истории известно, насколько изменчивы и многообразны представления об идеальном человеке. Ведь тот или иной идеал (в контексте евгеники – набор черт, подлежащих отбору) отражает знание и мировоззрение человека на определенном историческом этапе, спустя десятилетия многие знания перемещаются в категорию безнадежно устаревших.

По мнению Ю. В. Хен, попытки вмешаться в процесс размножения с ориентацией на тот или иной исторически ограниченный идеал природы человека приведут не к эволюции человека, а к застою и стагнации (узкой специализации). С этой точки зрения, евгенические проекты принципиально неэволюционны: их реальная задача – остановить развитие человечества, при этом представления селекционеров о «хорошей породе» очерчивают его границы (Хен 2003).

В XX в. евгеническое движение было дискредитировано. Общий вектор развития европейской цивилизации с ориентацией на провозглашаемые права человека и гуманизм не может принять те методы, которые предлагает евгеника. Вопросы, поднимавшиеся теоретиками евгеники, в настоящее время под другими формулировками изучаются специалистами по биоэтике, геномной инженерии, а также в рамках движения трансгуманизма. Вместо «разумного» регулирования процесса размножения взят курс на технологии по прямому изменению генетической информации индивидов (с их согласия, по крайней мере на первых порах). По прогнозам, конкретных результатов осталось ждать недолго.

Зло внутри нас: Фрейд, Лоренц, Фромм

Учение З. Фрейда и его продолжателей базируется на идее о том, что природа человека таит опасность для него самого. Она (природа) – продукт эволюционного развития, который сам по себе ни хорош, ни плох, однако трудности возникают вследствие того, что человек развивается в лоне культуры (то есть неестественно). Предполагается, что при столкновении человеческой природы с реалиями культуры происходит диссонанс с зачастую трагическими результатами. Фрейд разработал идею об инстинкте смерти (Танатосе). Формы его проявления у человека многообразны: это и агрессивность при защите своих интересов, и склонность отдельных индивидов к садизму (мазохизму), и склонность к убийству и разрушению для удовлетворения болезненных комплексов. Как бы то ни было, инстинкт смерти – неискоренимый порок человечества. Под его властью человек обречен разрушать других людей, будучи же лишенным такой возможности, он разрушает самого себя. Миссия психоанализа – путем разумного вмешательства (терапии) направить силу инстинктов на благо человека.

Фрейдизм может быть рассмотрен как один из наиболее авторитетных проектов XX в. по спасению человека от грозящей ему опасности. Так, если Маркс в качестве основного метода спасения (освобождения) провозглашал разумное овладение основной социальной жизни, то у Фрейда на первый план выходит возвращение человека к его подлинной природе, гармонии со своим опасным естеством за счет разумного вмешательства в душу человека (Антаков 2007). В работах З. Фрейда нет окончательного ответа на вопрос, каким образом человек сможет избавиться от проклятия Танатоса, и сможет ли сделать это вообще.

После Второй мировой войны усилился интерес к аспектам психики человека, ответственным за разрушительное поведение. Согласно концепции К. Лоренца, изложенной в книге «Агрессия: так называемое зло» (1966 г.), главная опасность для человека также заключается в несоответствии естественных инстинктов и задатков, которые ему достались от первобытных предков, и условий жизни в современном цивилизованном обществе. У высших животных имеется полезный для выживания в природной среде комплекс внутривидового агрессивного поведения, ответственный за самозащиту, охрану территории и борьбу за половых партнеров. В естественных условиях под влиянием естественного отбора у животных агрессивное поведение, как правило, реализуется в границах, исключающих нанесение существенного ущерба для популяции: чем мощнее «вооружение» животного (рога, клыки, когти), тем надежнее инстинктивные средства для торможения агрессии и предотвращения лишних жертв. Проблема человека, собственно, состоит не в том, что он слишком агрессивен от природы, а наоборот, в том, что он «от природы сравнительно безобидное всеядное существо без естественного, составляющего часть тела, оружия, которым можно было бы убивать крупных животных» (Лоренц 2008: 281). В отсутствие естественного оружия у человека в ходе эволюции не сформировалось достаточных врожденных рефлексов для торможения агрессии. У высших приматов в естественной среде случаются внутривидовые убийства, но они очень редки, так как обезьяны убивают друг друга «голыми руками». Человек же изобрел бесчисленные средства для убийства, в том числе на далеком расстоянии от жертвы. Ввиду отсутствия природных тормозов у человека нет никаких естественных средств предотвращения катастрофы полного самоуничтожения.

Человек может оказаться обреченным на вымирание, как вымерли многие животные, зайдя в эволюционный тупик под воздействием полового отбора. Так, если влияние естественного отбора, как правило, «благоготно», то есть увеличивает число более живучих особей, то половой отбор не защищен от того, чтобы направиться по патологическому пути. Классический пример у К. Лоренца – птица аргус, у которой длина хвоста может достигать 1,7 метра. Этот признак, позволяющий самцам очаровыв-

вать самок, весьма осложняет птицам жизнь и снижает их способность при бегстве от хищников. При неблагоприятных обстоятельствах вымирание таких видов, приспособленных для внутривидовой конкуренции, в высшей степени вероятно.

Человек, по Лоренцу, уверенно идет по пути аргуса: то, что позволяет людям достигать определенных сиоминутных целей во внутривидовой борьбе (высокотехнологичное оружие), может стать причиной гибели всего человечества.

В книге «Восемь смертных грехов человечества» (1977 г.) К. Лоренц углубляет негативный дисбаланс между природными задатками человека и их реализацией в современном мире. Помимо опасности, исходящей от собственной агрессивности, человек страдает от других «издержек» полового отбора – в первую очередь страха проиграть в конкурентной борьбе за положение в обществе и материальные блага. «Страх во всех видах является, безусловно, важнейшим фактором, подрывающим здоровье современного человека, вызывающим у него повышенное артериальное давление, сморщивание почек, ранние инфаркты и другие столь же прекрасные явления» (Лоренц 2008: 28). Многие «патологические» явления современности (изматывающая сверхконкуренция, изнеженность урбанизированного человека, перенаселенность) возникли вследствие расстройств древних механизмов поведения, которые в условиях дикой природы приносили пользу. Обжорство – способность насытиться впрок, лень – умение копить силы для важных дел, трусость – склонность к бегству от опасности. То же относится и к внутривидовой конкуренции: половой отбор позаботился о том, что людям не все равно, какой статус они имеют в обществе, потому они стремятся улучшить свое положение. В природных условиях эти качества человека были на своем месте и проявлялись в меру. Человек рискует стать аналогом домашнего животного, которого от дикого отличает набор характерных качеств (неразборчивость в еде и выборе полового партнера, подавленные побуждения к агрессии и бегству). По словам Лоренца, домашнее животное – злая карикатура на своего хозяина (Там же: 47).

К. Лоренц выражает уверенную надежду на то, что человечество с помощью науки осознает все ключевые риски, связанные со своим эволюционным прошлым, и найдет путь к спасению. Однако по прошествии почти полувека после выхода «Агрессии...» ясно, что рекомендованные им меры недостаточны для исправления ситуации в корне. Он полагал, что природная агрессия может быть направлена в мирное (неразрушительное) русло: с помощью занятий физкультурой и спортом, всестороннего развития личности и образования, укрепления межкультурных связей и обменов и т. д.

Лоренц не дает ответа на вопрос, почему возникают те или иные войны. Его как биолога интересует, как горстка политиков и промышленни-

ков, заинтересованных в развязывании конфликтов, может замотивировать миллионы обычных (в основном добродушных, честных и добропорядочных) людей относиться с ненавистью к другим народам, заставить их в течение нескольких лет систематически убивать, калечить, подвергаться смертельной опасности, а особый успех в этом деле называть воинской доблестью. Учение К. Лоренца – о возможности войны. Он нашел ее в биологических инстинктах человека, которые в определенных ситуациях могут приобретать извращенную форму.

Отчасти в ответ на теорию Лоренца Э. Фромм разработал свою (фрейдомарксистскую) теорию деструктивности. По его мнению, теория Лоренца об агрессии базируется на «наивных» аналогиях с животным миром. Кроме того, Лоренц не учитывает, что самые жестокие и деструктивные проявления агрессии по содержанию и форме никак не могут быть поняты, будучи рассмотрены как проявления той самой животной агрессии, которая призвана охранять жизнь и способствовать выживанию. По Фромму, Лоренц воскрешает учение Гоббса о войне всех против всех, длящейся на протяжении всей человеческой истории. При этом доказательство Лоренца замкнуто в логический круг: мол, сейчас человек ведет кровопролитные войны под влиянием своей первобытной агрессивности. А был ли первобытный дикарь агрессивен? Конечно, уж если сейчас культурные люди способны на такие злодеяния, то что говорить о нецивилизованных дикарях! Для Фромма это порочный силлогизм: «Человек является агрессивным, ибо он таковым был, а агрессивным он был, так как он таков есть» (Фромм 1994: 35).

По мнению Фромма, следует различать доброкачественную и злокачественную формы агрессии. Доброкачественная агрессия унаследована нами от животных и служит конструктивным целям (самозащита, турниры самцов). Очевидно, в трудах Лоренца речь идет именно о такой агрессии. Но он не понял, что самой опасной является не эта, инстинктивная, агрессия, а самое что ни на есть человеческое зло (злокачественная агрессия), которое с точки зрения биологии является патологией. Несмотря на то, что Фромм при описании идейных истоков своей теории называет себя последователем Дарвина, теория злокачественной агрессии не может быть охарактеризована как эволюционистская. Можно сказать, эволюция подготовила строительный материал из инстинктов, способностей и задатков, которые при неблагоприятных условиях развития личности включаются в формирование патологического характера человека. Чтобы понять характер злодея (Фромм описывает психологические портреты Сталина, Гимmlера и Гитлера), нет нужды обращаться к эволюционной теории. «Объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков» (Там же: 160).

Концепция Э. Фромма подразумевает, что уровень жестокости с развитием человечества возрастал. Древние охотники и собиратели жили в гармонии с природой и самими собой, «проявляли минимум деструктивности и максимум готовности к сотрудничеству и справедливому распределению продуктов питания» (Фромм 1994: 373). Они практически не вели войн и тем более не практиковали убийства своих сородичей. Злокачественная агрессия становится типичным человеческим явлением с появлением разделения труда, ростом производства и образованием излишка продуктов, возникновением государств с иерархической системой и элитарными группами. Именно тогда создаются предпосылки для войны как экономически целесообразного и освященного культурой занятия. Убийство становится нормой и профессией.

Указанные обстоятельства увеличивают влияние условий несвободы, в которых комплекс агрессивного поведения развивается в патологическом русле, и это приводит к формированию у отдельных личностей садистского и даже некрофильского характера.

Что касается способов предотвращения развития деструктивности, то Фромм указывает на важность любви и ласки при воспитании детей, создания условий для формирования творческого, заинтересованного отношения к жизни. Душевно здоровый человек практически не испытывает чувства скуки, так как умеет находить интерес в любых проявлениях действительности. Творческим и всесторонне развитым человеком трудно манипулировать, так как его порог реакции на иллюзорные раздражители (демагогические лозунги) высок. Садизм, по Фромму, – религия духовных уродов, душевных калек, жизнь которых зачастую исполнена хронической скуки. Единственная возможность на время забыть о гнет этой скуки и чувства собственной никчемности – доставить неприятности другому человеку (народу), поставить его жизнь и волю под свой контроль. Именно скрытые садисты составляют массу, которая самозабвенно подчиняется манипуляторам, сумевшим с помощью «промывания мозгов» вызвать ненависть к мнимому врагу.

Гуманистическая линия Фрейда – Лоренца – Фромма по исследованию человеческой деструктивности открывает целое поле проблем, которые должны быть решены путем рационального преобразования человеческого бытия. Основной идеей выступает необходимость осознания того, что природа человека в силу «незавершенности» эволюционного процесса является фактором риска. У человека нет фиксированного числа и качества потребностей, удовлетворение которых по готовому рецепту могло бы обеспечить успешное формирование личности и душевное здоровье. Каждый человек в силу эволюционного наследия рискует стать невротиком, шизофреником, садистом (мазохистом) или просто безвольной жертвой манипуляционных технологий (со стороны политических сил или производителей товаров и услуг), таким образом прожив неподлинную

жизнь, не реализовав весь свой потенциал, заложенный тем же эволюционным прошлым. Поиск и сохранение хрупкого баланса между животным и бесчеловечным, в условиях которого может развиваться человек в полном значении этого слова, – это дело разума, прежде всего вооруженного научным методом.

Архаическая психика и душевные болезни

В XX в. в психологии укоренилась традиция рассматривать психику человека как многослойное образование, глубинные слои которого в значительной степени влияют на поведение и психическое состояние человека. Под влиянием эволюционного подхода в психологии и психиатрии сформировались концепции, согласно которым у каждого человека имеются уровни архаической психики, находящейся во взаимодействии с высшими уровнями (П. Жане, З. Фрейд, Х. Шторх, К. Г. Юнг). Патологические состояния психики современного человека могут быть проявлениями некогда нормальных состояний его архаической психики.

Под архаическими чертами понимаются свойства психики, не изменившиеся (или изменившиеся незначительно) с древних времен, когда человек вел племенной образ жизни среди дикой природы. Предполагается, что представления об архаической психике мы можем получить, изучая первобытные племена, члены которых (примитивы) обладают неразвитыми навыками мышления. У здорового цивилизованного человека архаический уровень выполняет важную роль, обеспечивая ряд витальных потребностей и отвечая за простые, инстинктивно регулируемые функции. При возникновении дисбаланса между уровнями у человека развивается душевная болезнь.

В качестве примера можно упомянуть теорию дезинтеграции психики, призванную объяснить, например, развитие шизофрении. Вследствие дезинтеграции психики происходит высвобождение низших уровней, характерных для животных и первобытных людей. У душевнобольных сохраняются «островки» высших уровней психики, но они утрачивают способность регулировать низшие психические слои (Курек 2013).

Между шизофренией и архаической психикой примитивов может быть найдено много сходных черт. Одной из них может быть названо наглядно-комплексное мышление, обусловленное слабостью интегративной функции Я. «Мышление шизофреников распадается на комплексы из-за того, что Я не может связать их в единство. <...> Для наглядно-образного мышления примитивов и больных шизофренией характерна мистическая партиципация – сопричастность одних явлений с другими, связь с божеством. Из-за нее возникает комплексная недифференцированность переживаний, смешение границ Я и реальности» (Курек 2013: 66).

Вообще с точки зрения эволюционной патопсихологии наследственность современного человека представляется в значительной степени отягощенной склонностью к развитию душевных болезней.

Заключение

Разумеется, эволюционизм – не единственный и не главный источник сведений о природе человека. Антропогенез имеет дело с косвенными свидетельствами того, каким человек был когда-то. Для того чтобы корректно переносить эти знания на современных людей, необходимы тщательные исследования в различных научных областях.

В 1863 г. Т. Гексли писал, что сравнение человека с животными и определение его места в животном мире помогут понять его отношение ко Вселенной (Гексли 2012: 66). По Лоренцу, невозможно понять поведение человека, ничего не зная о поведении животных. Это курс на получение знаний о человеке путем изучения не человека, а его эволюционных «родственников». Эволюционная антропология в этой связи «ближе к людям», так как изучает их непосредственных предков, в чертах которых мы ищем самих себя.

Новые знания о природных предпосылках, из которых могут происходить зло, бесчеловечность и душевные уродства, даже будучи научно доказанными, автоматически не превратятся в рекомендации и руководства для политиков, не попадут в курсы по педагогике, политологии и конфликтологии. Необходима кропотливая работа популяризаторов науки, гуманитариев, философов и публицистов, чтобы эти знания стали достоянием общественности, а не только узких специалистов.

Как отмечает А. В. Марков, результаты исследований в области эволюции человека не имеют поучающего контекста: «Они хранят гробовое молчание по поводу того, какими нам следует быть, к чему мы должны стремиться, какие способы поведения брать за образец» (Марков 2012: 492). Из современных работ по эволюционной психологии можно узнать, что человек в силу своего происхождения склонен к агрессии, деструктивному поведению и ксенофобии. На того, кто усвоит эти сведения, ложится дополнительная ответственность, ибо незнание уже не послужит оправданием.

По словам Ч. Дарвина, он хотел снять с Бога «персональную» ответственность за зло мира: «Я всегда предпочитал рассматривать бесчисленные страдания этого мира как неизбежное следствие естественного хода событий, нежели приписывать их прямому вмешательству Бога» (цит. по: Чертанов 2013: 250). Наука XXI в. подготавливает человека к следующему шагу – началу процесса обретения ответственного контроля над своей деструктивностью.

Познавая «нечеловеческое», возможно ограничить бесчеловечное.

В этом, на наш взгляд, заключается одна из миссий науки – направить усилия разума на то, чтобы люди становились более ответственными и человечными.

Библиография

- Антаков С. М. 2007.** Бытие и мышление: основной вопрос и современный кризис научной мысли. *Мировоззренческая парадигма философии: Бытие, его генеалогия и обновление*: монография / Ред. М. М. Прохоров, с. 167–202. Нижний Новгород: Изд-во ВГИПУ.
- Марков А. В. 2012.** *Эволюция человека*: в 2 кн. Кн. 2. *Обезьяны, нейроны, душа*. М.: Астрель: CORPUS.
- Курек Н. С. 2013.** *Эволюционная психология: теория и практика. Отечественные статьи 1925–1930-е гг.* СПб.: Алетейя.
- Лоренц К. 2008.** *Так называемое зло*. М.: Культурная революция.
- Гексли Т. Г. 2012.** *О положении человека в ряду органических существ* / Ред. А. Н. Бекетов. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Дарвин Ч. 2009.** *Происхождение человека и половой отбор*: в 2 кн. Кн. 1, гл. I–X. М.: Терра – Книжный клуб.
- Чертанов М. 2013.** *Дарвин*. М.: Молодая гвардия.
- Фромм Э. 1994.** *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика.
- Фуллер С. 2005.** Антропная и кармическая альтернатива: модернизация научно-религиозного дуализма для XXI века. *Эпистемология и философия науки* 4.
- Хен Ю. В. 2003.** *Евгенический проект: «pro» и «contra»*. М.